

В поместье Лю явно стряслось что-то неладное. Когда Хуа Тянь и Лань Цзыцзюнь переступили порог, весь дом стоял на ушах. Старый господин Лю встретил гостей с предельно мрачным видом.

Хуа Тянь сделал глоток принесённого чая и тут же выплюнул его обратно: какой-то нерадивый слуга умудрился забыть заварку. Глядя на его мучения, Лань Цзыцзюнь молча поставил свою пиалу обратно на столик.

Сам же старик Лю пребывал в таком глубоком унынии, что безучастно осушил чашку с простой тёплой водой, даже не заметив подвоха.

— Что-то стряслось? — спросил Хуа Тянь.

Господин Лю встрепенулся, и по его лицу вновь покатались слёзы.

— Инъин угасает... Боюсь, она не доживёт до дня казни.

— Как?! — Хуа Тянь так и подскочил на стуле. — Снова её старый недуг?

С самого детства Лю Инъин страдала от слабости сердца и лёгких, а пережитые невзгоды явно подорвали её и без того хрупкое здоровье.

— Может, оно и к лучшему, — вяло попытался утешить себя старик Лю. — По крайней мере, моей бедной девочке не придётся терпеть позор плахи.

Он тяжело поднялся и отвесил Хуа Тяню глубокий, почтительный поклон.

— Наше поместье теперь обходят стороной, все боятся навлечь на себя беду. Лишь вы двое не побоялись заступиться за Инъин и попытались докопаться до истины. Старик бесконечно благодарен вам за это.

Хуа Тяню стало не по себе. Лучше бы старик обругал его последними словами, чем отвечивал такие поклоны. Поспешно отпрянув в сторону, он замахал руками:

— Перестаньте, прошу вас! Не нужно мне этих почестей, только жизнь мне укорачиваете!

Лань Цзыцзюнь лишь мысленно хмыкнул.

«Опять мелет чепуху. Сам давно уже бесплотный дух, а всё за долголетие печётся».

Господин Лю выпрямился и со вздохом продолжил:

— Я всегда знал, что моя дочь чиста перед законом, но людскую молву не переспоришь. Вот уйдёт Инъин в лучший мир, и мы соберём пожитки, уедем отсюда подальше. И никогда больше не вернёмся.

— Тьфу на вас! — в сердцах сплюнул Хуа Тянь. — Старик, ты совсем из ума выжил? Девочка ещё жива, а родной отец её заживо хоронит!

Вконец расстроившись, он развернулся и решительно зашагал прочь из зала, направляясь напрямиком к спальне Лю Инъин.

Господин Лю лишь бессильно опустился обратно в кресло, удручённо вздыхая.

Лань Цзыцзюнь молча шёл следом. Он прекрасно понимал, почему Хуа Тянь не в духе. Даже родной отец опустил руки, да и сам Хуа Тянь, обладая немалым чутьём, не мог не видеть, что девица угасает. Но упрямство в этом парне сидело поистине ослиное — он до последнего отказывался признавать очевидное.

Постаравшись напустить на себя привычный беззаботный вид, Хуа Тянь толкнул дверь и мягко позвал девушку, лежавшую на постели.

— Брат Хуа... Ты пришёл, — преодолевая слабость, Лю Инъин попыталась приподняться и вымучила бледную улыбку.

Хуа Тянь сделал вид, будто не заметил, каких трудов ей стоит это движение, и бодро заговорил:

— Инъин, у меня отличные новости! Мы очень близко подобрались к разгадке. Скоро я докажу твою невиновность, с тебя снимут стражу, и мы снова сможем...

Он готов был расписывать радужное будущее ещё долго, но Инъин уже не могла его слушать. По её щекам внезапно покатились слёзы. Вспышка отчаяния была и неожиданной, и в то же время вполне понятной. Не задавая лишних вопросов, Хуа Тянь присел на край постели и принялся бережно стирать слезинки с её лица, терпеливо ожидая, когда она заговорит.

— Брат Хуа, я знаю, какой ты умный. От тебя ничего не скроешь, — всхлипнула она. — Я больше не могу держать это в себе. Боюсь, если не выскажусь сейчас, то унесу эту тайну с собой в могилу.

— Да что ж вы с отцом сговорились, что ли? — сердито проворчал Хуа Тянь.

Его откровенно злило это повальное стремление лечь в гроб раньше срока. Как можно

надеяться на спасение, если человек сам себя хоронит?

— Выкладывай всё как есть, без утайки. Я сниму с тебя эти ложные обвинения, но пообещай, что больше и заикаться о смерти не станешь!

Заговорив о Цзя Лане, Лю Инъин впервые за долгое время слабо улыбнулась:

— Мы встретились в прошлом году на храмовой ярмарке и влюбились друг в друга с первого взгляда. Я понимала, что эта связь предосудительна, пыталась бороться со своими чувствами... Но чем сильнее гнала мысли о нём, тем отчаяннее тосковала. В конце концов мы уступили этой страсти. К счастью, Цзя Лань ещё не успел принять полный монашеский постриг и мог вернуться к мирской жизни, чтобы жениться на мне.

Она осеклась, и лицо её вновь исказилось горем.

— Всё складывалось так хорошо. Нам оставался всего один шаг до счастья... Мы могли бы жить душа в душу до конца дней. Но судьба распорядилась иначе. Он погиб, оставив меня одну страдать в этом жестоком мире.

Инъин упала на грудь Хуа Тяню и зарыдала так отчаянно, что потеряла сознание от избытка чувств. Лань Цзыцзюнь тут же шагнул вперёд, вытащил из рукава крошечный флакон и поднёс его к её носу. Резкий, бьющий в голову запах мгновенно привёл девушку в чувство. Она глубоко вздохнула и открыла глаза.

Лань Цзыцзюнь выразительно подмигнул Хуа Тяню, призывая не терять времени и расспрашивать дальше.

Хуа Тянь, баюкавший измученную девушку, хотел дать ей перевести дух, но Лань Цзыцзюнь оставался непреклонен. Не дожидаясь напарника, он заговорил сам:

— Госпожа Лю, мы искренне желаем вам помочь, но для этого нам нужны честные ответы. Из-за чего вы поссорились с Цзя Ланем перед его гибелью? И кто ещё знал о вашей связи?

— Цзя Лань ходил к настоятелю просить о возвращении в мирян, и тот дал своё согласие. Так что настоятель знал, — послушно ответила Инъин, пытаясь удержаться на ногах. — Ещё Божэ. Они с Цзя Ланем были не разлей вода, делились любыми секретами. Больше никто.

— Вот именно. Даже я оставался в неведении, что уж говорить об остальных, — с лёгкой обидой в голосе вставил Хуа Тянь.

Лань Цзыцзюнь медленно зашагал по комнате, сопоставляя факты:

— Если круг посвящённых ограничивался лишь ими, картина наконец проясняется.

— Верно, — подхватил Хуа Тянь. — Если убийца — настоятель, ему просто необходимо было избавиться от Божэ, который мог бы подтвердить намерения Цзя Ланя. Без Божэ мотив Инъин кажется неоспоримым.

— Брат Хуа, о чём вы говорите? — растерянno спросила Инъин, услышав имя Божэ.

Лань Цзыцзюнь уже открыл было рот, чтобы вывалить суровую правду, но Хуа Тянь предостерегающе покачал головой. Повернувшись к девушке, он мягко соврал:

— Да так, пустяки. Когда мы расспрашивали монахов в монастыре, случайно разговорились с этим Божэ. Он-то и поведал нам о ваших отношениях с Цзя Ланем.

— Вот же проныра! — щёки Инъин порозовели от негодования. — Взял и выдал чужую тайну! А ещё назывался лучшим другом Цзя Ланя!

— Напротив, благодаря его откровению у нас появилась реальная зацепка, — заступился за покойного Хуа Тянь. — И ты, и Цзя Лань должны быть ему искренне благодарны.

Эти слова заставили девушку устыдиться своего гнева.

— В таком случае... мне стоит пригласить его на обед в наше поместье, чтобы отблагодарить.

— Боюсь, это вряд ли получится, — сухо обронил Лань Цзыцзюнь.

— Почему? — Инъин, не подозревая о трагедии, недоуменно воззрилась на Хуа Тяня.

Перед мысленным взором Хуа Тяня тут же предстало изуродованное тело Божэ. Его передёрнуло от отвращения. Нет, Лю Инъин ни в коем случае нельзя знать подробности — её слабое сердце просто не выдержит такого потрясения.

— Настоятель отправил его по делам обители, вернётся он нескоро, — поспешно соврал он и ободряюще улыбнулся: — Так что поправляйся скорее, чтобы успеть подготовить достойный приём к его возвращению.

— Здоровье моё тает с каждым днём, — вздохнула она, вновь возвращаясь к унылым мыслям. — Дай бог дожить до этого дня.

Увлёкшись утешениями, Хуа Тянь едва не забыл, зачем они пришли, но Лань Цзыцзюнь, как сторонний наблюдатель, сохранял холодный рассудок.

— Вернёмся к делу, — перебил он. — Расскажи, из-за чего именно вы поссорились с Цзя Ланем?

Эта хрупкая девушка словно вся состояла из слёз — глаза её снова заблестели от влаги.

— Ах, это всё моя вина! Если бы не глупая ссора из-за того камня... Цзя Лань в тот же день снял бы рясу, спустился с горы, и мы бы поженились.

— Из-за камня? — Лань Цзыцзюнь мгновенно уцепился за деталь. — Что за камень?

— Обычный зеленоватый кристалл. Цзя Лань нашёл его прямо у порога настоятеля. Я уговаривала его вернуть находку, но он заупрямился: мол, что упало, то пропало. Сказал, безделица больно красивая, и если он преподнесёт её моему отцу в качестве свадебного дара, тот точно не посмеет отказать.

Хуа Тянь и Лань Цзыцзюнь многозначительно переглянулись. Ловушка захлопнулась, пазл сложился.

— И где этот кристалл сейчас? — быстро спросил Хуа Тянь.

— У Цзя Ланя остался. Я наотрез отказалась брать чужое.

— И слава богу, что отказалась, — с облегчением выдохнул Хуа Тянь. — Не зря говорят: чужого добра впрок не пойдёт.

Лань Цзыцзюнь тихо усмехнулся:

— Теперь понятно, почему я никак не мог учуять след демона. Всё дело в этом артефакте.

Инъин растерянно переводила взгляд с одного гостя на другого, совершенно не понимая, о чём они шепчутся.

— Ну что, теперь всё предельно ясно. Идём, — поторопил Лань Цзыцзюнь.

Хуа Тянь помог девушке лечь поудобнее, бережно укрыл её одеялом и ласково произнёс:

— Отдыхай, Инъин. Мы очень скоро вернёмся и очистим твоё имя от грязи. Просто жди меня здесь.

Инъин кивнула, на её ресницах дрожали слёзы.

— Брат Хуа... Умоляю, приведи ко мне Цзя Ланя.

Хуа Тянь послушно кивнул в ответ. Что ж, раз взялся делать добрые дела, придётся идти до конца — а уж роль добровольного рогоносца он как-нибудь переживёт.

Покинув поместье, они не спеша зашагали по дороге.

— Брат Цзыцзюнь, а что это за кристалл, о котором говорила Инъин? — любопытствовал Хуа Тянь.

Этот момент никак не укладывался в его логические построения. Настоятель монастыря и без того купался в роскоши благодаря щедрым подношениям, с чего бы ему марать руки в крови ради какого-то копеечного камешка?

— Это Камень вскармливания духа, — пояснил Лань Цзыцзюнь. — Любой заклинатель, сумевший взрастить в своём даньтяне духовную силу, способен использовать его для укрепления и очищения внутренней энергии. Даньтянь — лишь сосуд, а этот артефакт превращает заурядную силу в чистейшую эссенцию. Невероятная редкость, за которую практики готовы глотки друг другу перегрызть. Ума не приложу, как сокровище такого уровня оказалось в захудалом горном монастыре.

— Ого, какая диковина! — Хуа Тянь азартно потёр ладони. — Тем более стоит взглянуть на эту игрушку поближе!

— Ты бы лучше о своей шкуре подумал, герой, — фыркнул Лань Цзыцзюнь.

Он искренне поражался безрассудству своего спутника. Им предстояло столкнуться с целым приходом недружелюбных монахов, и если завяжется потасовка, прикрывать этого недотёпу у него просто не будет времени. К тому же в стенах обители явно пригрели какую-то тварь из царства демонов. Впрочем, упускать Камень вскармливания духа Лань Цзыцзюнь тоже не собирался — этот трофей должен принадлежать ему.

— Подумаешь! Я ведь уже покойник, дух бесплотный. Неужели они смогут убить меня во второй раз? — храбрился Хуа Тянь, воображая себя великим воином, неуязвимым для мечей и копий.

Лань Цзыцзюнь одарил его ледяным взглядом:

— Ах да, совсем забыл предупредить. Пока ты занимаешь чужую плоть ради возвращения в мир смертных, твоё тело прекрасно чувствует любую боль. Проще говоря, без надлежащей защиты тебя знатно отдубасят. И умереть ты при этом не сможешь, так и будешь терпеть муки.

— Что?! — Хуа Тянь моментально сдулся и испуганно замер. — Ну уж нет, тогда я никуда не пойду! Разбирайся с ними сам, а я подожду в сторонке и приду на всё готовенькое, когда трупы остынут.

Он резко развернулся, намереваясь позорно дезертировать.

Лань Цзыцзюнь мёртвой хваткой вцепился в его воротник и бесцеремонно притащил обратно:

— Куда намылился, Владыка ада? Так дело не пойдёт. Кто, если не ты, разложит этим святошам всё дело по полочкам, чтобы они хоть понимали, за какие грехи отправляются прямиком в преисподнюю?

— Тогда делись артефактами! Мне нужна защита! — безапелляционно потребовал Хуа Тянь, протягивая руку.

Лань Цзыцзюнь спорить не стал. Он ловко извлёк из складок одеяния несколько чистых листов жёлтой бумаги, обмакнул кисть из фиолетового ворса в киноварь и быстрыми, выверенными движениями начертал сложные защитные символы. Протянув получившиеся амулеты Хуа Тяню, он пояснил:

— Это Амулет преграды. Поможет сдержать первые удары, если дела совсем примут скверный оборот. Держи поближе к телу. Стоит взмахнуть рукой — бумага вспыхнет, и вокруг тебя возникнет невидимый щит.

Хуа Тянь бережно спрятал драгоценные бумажки за пазуху, осыпая своего спутника ворохом благодарностей.

На самом деле Лань Цзыцзюнь руководствовался исключительно прагматизмом: ему просто не хотелось, чтобы этот недотёпа путался под ногами во время боя. Хотя, если честно, вид избиваемого Хуа Тяня наверняка бы скрасил его серые будни.

<http://bllate.org/book/18412/1796460>